

ТАТЬЯНА АРХАНГЕЛЬСКАЯ

Чехия, Оломоуц

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В ПОЛЬСКОЙ ФРАЗЕОЛО- ГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ: СООТНОШЕНИЕ МУЖСКОГО И ЖЕНСКОГО

АБСТРАКТ:

Proper names in Polish phraseology and proverbiology: the relation of feminine and masculine

The paper deals with proper names in Polish phraseology and proverbiology. Proper names are analysed based on their connotative meaning as well as physical, intellectual, social, temperamental and other characteristics of the person denoted by the specific proper name. The study is conducted on the basis of phraseological and proverbiological evidence, taking into account the gender aspects of the analysed issue.

KEY WORDS:

Proper name – phraseology – proverbiology – connotative meaning – pejoration – feminine and masculine characteristics.

Изучение семантической, прагматической и культурной составляющей имени собственного имеет давнюю традицию [Суперанская 2007; Отин 1980; Рут 2011; Grodziński 1973, 1986]. Среди всего ономастикона антропонимы занимают особое место: они выступают частью национальной культуры и этноментальности, отражая быт, мировидение и миропонимание конкретного лингвокультурного сообщества. Представленная в разных типах и вариантах культур рефлексия над именами собственными позволяет выявить ключевые моменты динамики «культы разума слова» [Шпет 1989: 380], ведь они в истории и культуре обладают своеобразной «властью ключей», без которых нет пути ни к «бытию»,

ни к «лицу» [Топоров 2004: 378]. Неотделимой частью мировоззренческих констант народа, отраженных в языке, являются представления о мужском и женском. Лингвистическая гендерология, изучая образы мужчины и женщины в языке, культуре и коммуникации, все чаще обращается к системе мужских и женских наименований, в значительной мере пребывающих под влиянием социокультурной составляющей пола. Вполне естественно, что в центре внимания многих современных работ оказывается вопрос о том, как сформировались представления о мужском и женском и как это отразилось в системе личных имен, ставших впоследствии компонентами фразем и паремий. В каждой культуре существует система устоявшихся в ней традиционных представлений о том, что такое мужское (маскулинное) и что такое женское (фемининное). Эта система представляет собой своеобразный симбиоз интеркультурного и национально-культурного. Маскулинность – комплекс характерологических особенностей (внешних, психологических, особенностей поведения, традиционно приписываемых мужчинам). Фемининность – такой же комплекс особенностей, приписываемых женщинам. Эти комплексы, как известно, не совпадают.

Представления о мужчине и женщине, закрепленные в культуре народа, пребывают под влиянием патриархальных констант общественного мышления и его следствия – андроцентризма. Под андроцентризмом понимают глубинную социокультурную традицию, которая проявляет себя в социуме, культуре и языке. В языке андроцентризм проявляется в неравномерной репрезентации представителей мужского и женского пола, связанной с объективным доминированием мужского в культурах постпатриархального типа. Своеобразная эволюция видения мужского и женского у древних славян-язычников привела к возникновению бинарных мировоззренческих оппозиций, с помощью которых наши предки познавали мир: это *верх – низ, свой – чужой, правый – левый, прямой – кривой, полный – пустой* и др., где правый член (положительно оцениваемый) связан с мужским, левый (оцениваемый отрицательно) связан с женским, а через них – к осмыслению мира, свойственного славянской культуре: **мужское** – *верх – активное – рациональное – духовное – небесное – божественное – культура*; **женское** – *низ – пассивное – чувственное – телесное – земное – природа*. Христианская традиция дополнила этот ряд противопоставлений греховностью как женским атрибутом.

Исследуя архаичные общества с точки зрения проблемы пола, ученые утверждают на первый взгляд парадоксальную мысль: на древнейших этапах развития человечества мужчины и женщины не осознавали

своей половой разницы и не связывали ее с продолжением рода. Это неосознание отражалось и в языке. Самые древние сексуальные наименования были асексуальными. К такому выводу пришли ученые, изучая стадиальные языки. В языке банту или в языке инков кечуа сексуальный критерий (различение по полу) отсутствует вообще. Первичные наименования живых существ создавались без учета различий по полу, что подтверждает целый ряд наименований терминов родства и животных, которые обозначали предмет без указания на его пол. В древнейшей латыни *puer* 'сын' и 'дочь', *parents* 'отец' и 'мать', в турецком (османском) *kardeş* 'брат' и 'сестра', в голландском *ouder* 'отец' и 'мать'. Некоторые термины родства, например, *отец – мать, дед – баба*, по убеждению М. Я. Немировского и А. Н. Трубачева, использовались в древнейшие времена для обозначения старшего поколения без учета реальных половых различий. И только позже стали появляться пары типа *gallus* 'петух' – *gallina* 'курица'. Феминативы на *-a* начали образовываться от маскулинизмов на *-us* [Немировский 1938: 196–226; Трубачев 1959]. В своем дальнейшем развитии в системе собственных наименований лица потребность различения лица мужского и женского пола приобрела характер закономерности.

Имя собственное как компонент фразем и паремий по своему происхождению – апеллятив, имя нарицательное, специализировавшееся в статусе онима для индивидуализации, выделения конкретного человека из ряда других. На заре формирования системы древнейших славянских языческих имен (и пожелательных, и охранных) ученые констатируют уже упомянутый нами факт неразличения по полу нареченного именем [Гамклеридзе, Иванов 1984: 208; Svoboda 1964; Pleskalová 1998]. Древний человек брал названия для наречения ребенка из внешнего для него мира природных объектов, которые на древнейших этапах развития человечества в системе представлений о мире пола не имели. У славян-язычников имя выполняло магическую функцию, основывающуюся на отождествлении имени и его носителя (имя – то, что находится внутри человека; имя способно определять его дальнейшую судьбу; оно сопровождает человека как тень). И только позже, когда за какими-то предметами, явлениями природы в сознании говорящих закреплялись определенные мужские и женские характеристики, когда наши предки привыкали приписывать пол объектам живой и неживой природы, их имена (названия) начинали ассоциироваться с мужским или женским: названия женских растений, женских дней недели переносились на имена девочек (*Środa, Sobota, Kalina, Koprzywa*), названия, связанные с силой, активностью, агрессией – на имена мальчиков (*Byczek, Wilczęta*).

Так и названия оружия (первично – хозяйственного инвентаря) стали ассоциироваться главным образом с атрибутами мужчины: *Łopata, Kusza*. В наше время в языковом сознании славян, и поляков в частности, флексия -а стойко ассоциируется с женским грамматическим родом и женским полом (*Iwan – Maria, Piotr – Galina*). Со временем (на уровне общеславянских композитных имен, на уровне имен, привнесенных христианской традицией) такое различие приобретает регулярность, хотя и здесь имеем отчетливые следы андроцентризма языка: многие женские имена являются производными от мужских (*Bogdan – Bogdana, Mieczysław – Mieczysława, Kazimierz – Kazimiera*).

В дальнейшем имя собственное становится важнейшим компонентом в системе координат социокультурного пола, ведь имя человека выполняло функцию социального знака, идентификатора личности в социуме. Веками в культурном и социальном пространстве народа складывались стереотипные представления об образе мужчины и женщины, которые до сих пор распространяются на всех представителей того или иного пола независимо от их индивидуальных особенностей и возраста. Эти стереотипы касаются как личностных черт мужчин и женщин, так и особенностей их поведения и места в обществе. Понимая под гендером социокультурный пол, ученые вводят понятия *гендерных стереотипов*, которые представляют собой культурно и социально обусловленные мнения о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке [Кирилина 1999: 95] и *гендерной оценки* как разновидности социальной оценки субъективной или объективной окружающей действительности, основанием которой выступает базовый признак «мужское» и «женское» [Бессонова 2002: 17]. И хотя социокультурная оппозиция «мужское» – «женское» не является основоположным принципом семантики и человеческого познания, она не всегда применима для объяснения и интерпретации всей сложности и многогранности системы языка, но остается одной из базовых мировоззренческих дихотомий, с помощью которых древние славяне познавали мир и идентифицировали себя в нем.

В системе стереотипных представлений о маскулинности и фемининности мужчинам обычно приписывают качества, которые ассоциируются с силой, активностью, доминированием, женщинам – с подчинением, слабостью и пассивностью. Изучая образ женщины во фразеологических и паремиологических системах разных языков, многие исследователи утверждают, что в них женщина предстает как болтливое, сварливое, чрезмерно любопытное, самовлюбленное, капризное, неуступчивое, алогичное, глупое и т.п. создание и что негативный образ женщины создается

на фоне образа мужчины как существа положительного, доминантного в андроцентричной системе координат мышления, познания и языка как социального конструкта [см. например Черкесова 2017; Сереброва 2007 и др.].

В данном исследовании мы поставили цель определить, с какими стереотипными характеристиками мужчины и женщины семантически связываются фраземы и паремии польского языка с компонентом-именем собственным и в какой мере имя собственное влияет на общую семантику устойчивого оборота. В центре нашего внимания – мужские и женские имена традиционного польского антропонимикона, включая их национальные общеупотребительные формы, а также псевдоантропонимы, дублирующие формы мужских и женских имен. Материалом исследования стали фразеологизмы и паремии с гендерно-оценочной семантикой, зафиксированные в толковых, фразеологических и паремиологических словарях с такими именами в роли компонентов. Следует отметить, что имя собственное как компонент польских фразеологизмов и паремий пребывает в центре внимания многих исследований, однако соотношение мужского и женского в них рассматривается лишь фрагментарно [Кравчук 2003; Заваринська 2009; Шутковски 2005; Мороз 2016].

Вопрос о функционировании имени собственного в составе фразем и паремий неразрывно связан с проблемой определения их семантики [Кравчук 2000б: 258–261, 2003: 185–191; Рут 2011]. Здесь имеем очень широкий и разнообразный спектр точек зрения на проблему: от сомнений в правомерности выделения семантики как особого аспекта имени собственного и взгляда на имя собственное как беспонятийный, бес­сигнификативный знак [Галкина-Федорук 1956: 53; Zabrocki 1973: 300; Dejna 1956: 109; Łaginowicz 1981: 55] до утверждения о наличии у имени собственного *идеосемантики* (основного, этимологического, константного семантического компонента и дополнительного, культурно идентифицируемого, семантически изменчивого в пространстве и времени [Запольская 2007; Абаев 1934: 133], *ономастического значения* [Алефиренко 1999]. М. Е. Рут считает, что имя собственное, не имея реального значения, приобретает *отсоциумный денотат* и *отсоциумный коннотат* [Рут 2001: 64]. Имя собственное вбирает в себя культурные коннотации, за счет чего *формируются фантомные лексические значения*, которые превращают его в промежуточное звено между онимом и апеллятивом – в коннотоним (по определению Е. Отина [Отин 1980: 3]). Имя собственное варьируется в социуме посредством многочисленных вариантов и дублетов, реализующих денотативное и коннотатив-

ное наполнение семантики имени. Общество через оним может различать конкретный объект и передавать дополнительную информацию о нем. Более того – оно стремится выразить связанные с этим объектом чувства, оценить его. Онимам свойственны информативная и эмоциональная функция [Карпенко 2007: 457]. По убеждению М. Е. Рут, одна из причин нерешенности данного вопроса – в стремлении решить его для всех онимов сразу. Между тем существование единой модели онима, очевидно, следует признать мифом. Надо полагать, что вопрос о наличии/отсутствии и характере лексического значения собственных имен решается только по отношению к конкретным их классам [Рут 2001: 59; см. также Кравчук 2000а: 130–135].

Различные типы онимов могут быть в различной мере нагруженными определенной информацией, в частности и лингвокультурной. Эта информация формирует их ассоциативный фон. Во фразеологической картине мира ассоциативный фон находит свое лингвальное выражение, поскольку главным образом благодаря выходу на ассоциативные составляющие, на связанную с объектом разнообразную информацию можно объяснить основы образования фразеологизмов и паремий с компонентом – именем собственным. Ученые считают, что в составе фразеологических единиц (ФЕ) имя собственное (ИС) выполняет символично-прагматическую функцию [Лазарева 2017; Стернин 2015]. В контексте нашего исследования ИС может обозначать стереотипный образ, принадлежащий определенному концепту (в нашем случае – концептам человек, мужчина, женщина).

По убеждению В. Мокиенко, антропонимы в состав ФЕ попадают уже в переосмысленном виде, и выбор имени во многом определяется его коннотативной семантикой, с одной стороны, и структурой (формальной организацией микротекста ФЕ), с другой. ИС как фразеологизированное наименование оказывается амбивалентным: с одной стороны, оно сохраняет ономастические признаки, с другой – превращается в апеллатив [Мокиенко 1980]. Апеллативизация, по убеждению Масловской, происходит вместе с его экспрессивизацией и пейоративизацией. ИС как компонент ФЕ реализует фразеологически связанные символические значения, генетически связанные с ассоциациями, сопровождающими денотаты онимов, вписанные в общественное сознание носителей языка. Социокультурный ореол ИС может опираться на интернациональные ассоциации и на такие, которые существуют лишь внутри одной культуры и не актуализируются в сознании представителей другого социума.

Стимул коннотонимизации и символизации имени – его популярность. В случае, если имя переживает своего носителя, оно становится символом благодаря присоединению ассоциативной семы, обозначающей характерную черту или характеристику (**имя собственное** → **коннотоним** → **символическое имя собственное**). Символичность здесь понимаем как стабильную коннотированность, наличие одной и той же коннотации в по крайней мере нескольких фразеологических контекстах. Антропонимы обладают способностью коннотировать признаки, смежные со своим классом, то есть признаки, характеризующие человека. Одной из функций ИС в составе ФЕ является номинация+характеристика человека вообще, мужчины или женщины. Процесс такой номинации и характеристики происходит на основе метонимии, которая, наряду с метафорой, оказывается одной из базовых операций человеческого сознания.

В. Мокиенко выделяет три типа ФЕ с различной степенью актуализации ономастического компонента: ● ФЕ с ИС, связанные с общеизвестными мифологическими, литературными источниками или историческими фактами; такие единицы образуются путем «сжатия» мифического, литературного или фольклорного текста в пословицу, поговорку и даже слово; таким ФЕ характерна функциональная близость ономастического компонента с именем собственным; ● ФЕ с ИС, возникшими путем обобщения еще до фразеологизации вследствие своей социальной оценочности; за такими единицами не стоят представления о конкретном историческом лице или событии; ● ФЕ с ИС, в основе которых лежит шутка, каламбурное перефразирование как средство создания фразеологической экспрессивности; ономастическая функция такого имени – фольклорная, связь с именем – фиктивна, а сама ФЕ образуется путем не сворачивания, а эксплицирования; ФЕ этого типа отличаются значительной мерой экспрессивности вследствие спаянности их актуального и этимологического значения; сематическая насыщенность ономастического компонента в таком случае вступает в противоречие с принципиальной асемантической именности собственного [Мокиенко 1980].

Наиболее многочисленными в собранном нами материале оказались ФЕ с антропокомпонентом, в которых источником лингвокультурной информации ИС является социум. Здесь обнаруживаем ФЕ с социально маркированным АК (антропокомпонентом) и ФЕ с псевдоантропонимическим компонентом. Значительно уступают по численности ФЕ с АК, восходящим к библейским образам, персонажам национальной истории и литературы.

МУЖСКИЕ ИМЕНА В СТРУКТУРЕ И СЕМАНТИКЕ ПОЛЬСКИХ ФРАЗЕМ И ПАРЕМИЙ. В польском языковом и культурном пространстве наиболее частотными оказываются мужские имена *Bartek, Jan, Jędrysek, Maciej, Marcin, Michał, Wojtek*. Они входят в состав ФЕ, семантически ориентированных на образ мужчины (человека вообще) как физического, физиологического и интеллектуального феномена. С мужскими именами в языковом видении мира поляков ассоциируются интеллектуальные характеристики человека вообще и мужчины в частности. В оппозиции умный – глупый вербально заполненной оказывается правая ее часть: **глупый** ассоциируется с мужскими именами *Wojtek* (*Głupi Wojtek, du bist mein* – фразеологизм, состоящий из двух разноязычных частей, вторая из них представлена немецким *du bist mein* «ты мой» [НКРР, т. 3: 741]), *Maciek* (*Głupi Maciek, Olszowy Maciek* [НКРР, т. 2: 361] – последний фразеологизм содержит «деревянный» атрибут *olszowy* «ольховый» и мотивационно связывается с традиционной для славянского фразеологического пространства «деревянной» метафорой в языковой репрезентации дурака), *Jasio* (*Głupi Jasio*), *Jędrysek* (*Idź, głupi Jędrysku, ze dzwonkiem* – обращение к глупому, глупцу; здесь имеем связь глупца с образом шута, в обязанности которого входило развлекать и смешить забавными выходками господ и гостей. Традиционно шут избображался в колпаке с бубенцами).

Совмещенными семантическими признаками глупого в ФЕ с мужским именем собственным оказываются **интеллектуально неразвитый** (мужское имя *Wojtek*): *Wojtku, jak ci na imię?* – «о глупом, умственно недоразвитом человеке» [НКРР, т. 3: 741], **простаковатый, неотесанный** (*Bartek*): *Bartek z niego* – «простак, неотесанный, дурак» [НКРР, т. 1: 64]; *Bartek za piecem wychowany* – «простак, неотесанный, дурак» [НКРР, т. 1: 64] (локальный компонент последнего выражения «за печкой воспитанный» усиливает ограниченность жизненного, а следовательно, и интеллектуального пространства дурака), **неповоротливый** (*Wojtek*): *Szykowny jak malarzów Wojtek* – «о глупом, неповоротливом человеке» [НКРР, т. 3: 741], **глупый, беспомощный** (*Iwan*): *Iwan: ni Bogu, ni nam* – «глупый, беспомощный человек» [НКРР, т. 1: 808] (имя *Iwan* – коннотативный оним с устоявшимся символическим значением «простак, деревенщина»), **бездарный** (*Fafuła*): *Barnaba Fafuła, Fafuła gotowo z niego* – «глупец, бездарь». Эта характеристика в польской фразеологии объявляется потомственной и расширяется на целую семью *Fafuly*: *Niech żyje pan Fafuła, pani Fafulmo i młode Fafulynta!* [НКРР, т. 1: 558]. В приведенных примерах имеет место явление звукосимволизма, связанного с особым «неприличным»

фонетическим значением буквы «фита» (Ф), в польском алфавите **f** (ср. рус. **фофан, фефела, фатой, фалалей** – апеллятивизированные гипокористические формы имен **Феофан, Феофил, Фалалей**, ставшие коннотативными онимами с ярко выраженным экспрессивным, пейоративным значением «дурак, несообразительный, глупый»).

С мужскими именами собственными связывают поляки и внешние проявления глупости: **речь глупого** ассоциируется с мужским именем **Michał**: *Mówisz jako prawy Michał* (оборот немецкого происхождения: с XVI века в польском языке оборот *der deutscher Michel* имел значение, аналогичное польскому *dureń* «pot. obraźliwa forma zwrotu do mężczyzny») [NKPP, т. 2: 443]; ср. *pisać michałki* – в журналистском жаргоне «писать глупости» [NKPP, т. 2: 444]; *ma michałki w głowie* [NKPP, т. 2: 443]. О человеке, не умеющем говорить четко и логично, поляки скажут *dokoła Wojtek*, так говорят «о человеке, вновь и вновь повторяющем одно и то же». Этимологически выражение связывают с обращением сельских детей к аисту, называемому обычно *Wojtkiem*, который плавно кружит над своим гнездом [NKPP, т. 3: 741]. Здесь имеем ассоциацию с уже упоминаемым именем **Wojtek**, которое, как видим, имеет социально-культурную связь с проявлениями глупости.

С мужским именем **Wojtek** связывается и **поведение глупого**: *Chodzi jak niesolony Wojtek* – «ведет себя как дурак» [NKPP, т. 3: 741]. Растерянный, перепуганный, дезориентированный человек связывается с именем **Filip**: *Wyrwał się jak Filip z konopi* «о человеке нерассудительном, который все делает молниеносно, но при этом сначала делает, а потом думает» [NKPP, т. 1: 566]. С этим же именем связывают поляки и глупую улыбку на лице: *Śmieje się jak Filip na jelito* – «о глупо, бессмысленно улыбающемся человеке» [NKPP, т. 1: 566]. Заметим, что в польской фразеологии имя *Filip* оказалось ассоциативно амбивалентным: наряду с ассоциацией *Filip* – *глупый*, это имя апеллятивизировалось и приобрело значение *filip* «ум» (ср. *mieć filipa w głowie* «быть умным, мудрым, рассудительным» [NKPP, т. 1: 566]). Такое же значение слово имеет и в чешском языке.

Физиологические характеристики человека, связанные с мужским именем собственным, выявлены лишь в одном примере. Они связаны с именем *Piotr*: *Nie każdy Piotr łysy, znajdzie i Piotra z czupryną* «не все люди одинаковые» [NKPP, т. 2: 934].

Более активно представлены ФЭ с мужским антропонимом, определяющие черты характера и поведение: **странный**: *Każdy Piotr dziwny* (по Брюкнеру, выражение восходит к средневековым латинским пословицам) [NKPP, т. 2: 934]; **обжора**: *Nienapchany (nienażarty) Maciek*

[НКРР, т. 2: 363] (заметим, что апеллятивизированный оним *maciek* в польском языке обозначает «желудок»); **врун**: *Antek z Powiśla*; **пьяница, озорник, лоботряс**: *Antek zwierzyniecki, Antek znad Wisły (z Bugaja)* (Звезинец – предместье Кракова; Повислье – район Варшавы; Бугай – название улицы на Повислье) [НКРР, т. 1: 23] (апеллятивизированный оним *antek* в польском языке обозначает «озорник, лоботряс»); **хулиган, дебошир**: *Dawniej Piotr był Piotrem, a lotr lotrem* [НКРР, т. 2: 934]; **поведение такого человека сравнимо с поведением черта**: *diabeł Iwan, to prawdziwy Iwan (diabeł Iwan – народное название дьявола)*.

В группе единиц «образ мужчины (человека вообще) как социального феномена» мужские имена репрезентируют **социальное расслоение общества**: *Niech pan panem będzie, a wygodą sługa, Bartosz do siekiery, a Maciek do pługa* [НКРР, т. 1: 64]; *Dobra psu mucha, a Matiaszowi płotka* [НКРР, т. 2: 361]; **особенности менталитета представителей социального «верха» и «низа» – слуг и господ**, а также предубеждение в том, что из слуг получаются худшие господа: *Jak się Pioter do dwora dostał, Luter się z niego zrobił* [НКРР, т. 2: 934]; *Nie daj, Boże, pana z Iwana* (имя собственное *Iwan* здесь употреблено в символическом значении «простой человек, слуга, бедняк» [НКРР, т. 1: 808]. В некоторых примерах форма имени собственного (в этом случае мужского и женского в одном фразеологическом контексте) идентифицирует не только пол, но и возраст (молодой – зрелый) и включается в семантическую сферу «жизненный опыт»: *Czego się Jaś nie nauczy, Jan nie będzie umiał* [НКРР, т. 1: 853]; *Z Baśki będzie Barbara, ale z Bartka Bartek* [НКРР, т. 1: 61]. В последнем примере можно говорить о статусных отношениях в браке: женщина, выйдя замуж, должна стать женой и приспособиться к новому, семейному статусу даже по форме имени, а глава в семье – мужчина (его статус, как и форма имени, остаются неизменными).

К этой группе ФЕ с мужским антропонимом примыкают и единицы с семантикой **оба одинаковые**: *Zdybali się (zebrali się) dwa Jędruchy: jeden ślepy, drugi głuchy* [НКРР, т. 1: 346]; *Kto z kim, a Piotr z Kubą* [НКРР, т. 2: 934]. Обнаружена нами и единица *To je wszystko jedyn Woitek* «нет никакой разницы». В польской лингвокультуре мужское имя собственное *Iwan* специализировалось также на эвфемистическом наименовании беса, что отражено в ФЕ *Trafił bies na Iwana* «встретил свой своего».

Особую группу в собранном нами материале образуют ФЕ с компонентами-псевдоантропонимами, различным образом имитирующими реальные антропонимы. По характеру и модели имитируемого имени это «говорящие подобию» собственных имен, «подстроенные» главным обра-

зом под модель фамилии. Такие псевдоимена спроектированы на образ мужчины (человека вообще) как физического, физиологического и интеллектуального феномена, где названные характеристики тесно переплетаются с социальными и в ряде случаев мотивируются ими. Мужские фамилии способствуют формированию семантики **легкомысленный**: *Pan Niechajno* (своего рода польский пандан русского *авося*); **растерянный, перепуганный, дезориентированный**: *wyrwał się jak Konopacki* [НКРР, т. 2: 115]; **непунктуальный и ленивый**: *Spoźnialscy i Lenie jedno pokolenie*; **богатый и скупой**: *Chce i Dzierżek, i Nieczuja*; **эгоист**: *Pan Sobieski z niego (sobek – «эгоист»)*; **пьяница**: *Łapikufel tu na imię, a przezwisko karczma brat (Łapikufel – старопольское название комедийных пьяниц)*. Псевдоантропонимы-мужские фамильные наименования характеризуют и сильно **храпящего**: *Uciąć Chrapickiego, Czytać dzieło Chrapickiego*.

В группе ФЕ с компонентом-библионимом, именем исторического и литературного персонажа мы обнаружили значительно меньше примеров, содержащих мужские имена из указанных сфер лингвокультурной мотивации мужских антропонимов. Интересующих нас мужских имен в составе ФЕ, содержащих социокультурную гендерную оценку, оказалось 10 (часть из них будут представлены ниже). Здесь эпизодически представлена сфера имен библейских персонажей, где имена Адама и Евы формально взаимодействуют с общей семантикой **оба грешны**: *Adam zmawia na Ewę, na Adama Ewa – a oboje jedli z drzewa*. Имена реальных лиц (исторических личностей) в польских фразеологизмах и паремиях с мужским антропокомпонентом оказались связанными с определенными периодами польско-украинской истории: с характеристикой мужчины **грязный, ловелас** связаны имена Ивана Гонты и гетмана Ивана Мазепы: *Wygląda jak Gonta* (Иван Гонта – сотник казаков графа Ф. Потоцкого, в 1768 г. возглавил бунт против польского угнетения, после бунта был казнен), *Usmarowany jak Mazepa, To Mazepa* (вероятно, здесь оказались мотивационно задействованы не только отголоски народных преданий о любвеобильности Ивана Мазепы, ставшего впоследствии казацким гетманом, но и «говорящая» составляющая его фамилии, ведь и в украинском языке апеллятивизированный оним мазепа имеет, кроме значения «предатель», значение «грязнуля, замарашка» – от *мазать, измазаться*). Социальная мотивация имеет место в выражении *Żaden Chodkiewicz garnców nie przystawiał* [НКРР, т. 1: 277] (Ходкевич Ян Кароль (1560–1621) – польский военачальник, великий гетман литовский). Имена литературных персонажей в нашем материале представлены одним примером, где мужское имя соб-

ственное выступает как символическое воплощение **трусости** и **измены**: *Jak Albertus po karczmach tylko wojował, a prochu nie wqchał* (Albertus – герой двух сценических произведений «Wyprawa plebańska» и «Albertus z wojny», 1550 г.).

ЖЕНСКИЕ ИМЕНА В СТРУКТУРЕ И СЕМАНТИКЕ ПОЛЬСКИХ ФРАЗЕМ И ПАРЕМИЙ. Наиболее частотными женскими именами оказались *Dorota, Agnieszka, Apolonija, Anna, Maryna, Katarzyna*. Рассмотрим образ женщины как физического, физиологического и интеллектуального феномена. Менее многочисленная представленность женских имен в сравнении с мужскими отразилась и на меньшем количестве характеристик женщины в семантике польских фразем и паремий с компонентом-женским антропонимом. С женскими именами *Kasia* и *Agnieszka* в языковом видении мира поляков ассоциируются **интеллектуальные характеристики** женщины **глупая**: *Idź, głupia Kasia! Była Kaśka bez fartucha, jeszcze jej gorset wzięto* – «о глупой женщине» [НКРР, т. 2: 43], *Agnieszki, kiedy nie złe, głupie* [НКРР, т. 1: 10]. В последнем примере обобщающая семантика ФЕ эксплицируется и формой множественного числа женского имени *Agnieszki* – все женщины либо злые, либо глупые.

В отличие от системы мужских имен, в системе женских антропонимов более ярко представлена внешность женщины – **красивая**: *Wystrojona jak rosieńska Magdalena* (здесь представление о красоте женщины, возможно, связано с представлениями о известной своей красотой и умением экстравагантно одеваться жительнице Россиен) [НКРР, т. 3: 69]; **толстая**: *Gruba Berta* – «толстая женщина» [НКРР, т. 1: 76] (интересный пример «обратного» переноса наименования, поскольку метафорическое развитие значения произошло по схеме на основании представления о размере оружия → предмет большого размера (мощная немецкая пушка) → толстая женщина (Берта, жена немецкого оружейника Густава Круппа, производившего вышеупомянутые пушки)); **небольшого роста, но крепкая, жилистая**: *Mala Jadwiga, a zboże dźwiga* (апеллятивизированный оним *jadwiga* в польском языке обозначает также большой крюк для подъема грузов и крючок, на котором закрепляется котелок над огнем). К характеристикам внешности отнесем и **неумение одеваться со вкусом**: *To jemu tak jidzie, jak na Jadwidze* [НКРР, т. 1: 813]. Здесь переосмысление женского имени также связывается с уже упоминаемым крючком: одежда на чело-веке висит как на крючке (вешалке).

Черты характера женщины, представленные в системе ФЕ с женским антропонимом, коррелируют со стереотипными социокультурными

представлениями о женских характеристиках, таких как: **злобная**: *Dobra Agnieszka, kto z nią nie mieszka, Agnieszki, kiedy nie zle, głupie* [НКРР, т. 1: 10] (в последнем примере, о котором мы уже упоминали, интеллектуальные характеристики женщины «глупая» неразрывно связываются с чертами характера «злая»); **болтливая, сплетница**: *Zeszły się dwie Marysie: baju, baju obie* «о сплетницах» [НКРР, т. 2: 394], ср. грубое просторечное выражение *gadać/mówić o dupie Maryni*, обозначающее разговоры ни о чем, пустую трату времени на беспредметные разговоры [SFJP, т1: 96].

Поведение женщины представлено лишь негативнооценочной характеристикой **женщина легкого поведения, развратница**, связываемой в польской лингвокультуре с именем *Dorota*, которое превратилось в синоним женщины легкого поведения: *Każda Dorota ma swoje kłopoty (Każda Agata ma swoje tarapata)* [НКРР, т. 1: 9]; *Nie namówisz, nie Dorotka. Nie Dorotkam. Słodko, Dorotko, ale drogo, niebogo. Słodka Dorotka, ale droga nieboga. Dorotka – niecnotka. U Dosi nic nie uprosi* [НКРР, т. 1: 473].

Женщина как социальный феномен представлена в ряде фразем и паремий с антропокомпонентом, семантически ориентированных на ее социальные характеристики. Так, **качества хорошей жены** в браке приписаны **Аполонии**: *Każda Połonka – to dobra żonka* [НКРР, т. 1: 24]. **Советы и предостережения в семейной жизни** – указание женщине на ее семейное положение и место в семейных отношениях представлены в выражении: *Maryna, trzymaj się kaptura* [НКРР, т. 2: 394] (каптур – старинный женский головной убор с круглым наголовником, затянутым цветной тканью, символизировал женщину в браке и замужнее положение женщины). **Сексуальные, семейные отношения** представлены в паремиях с семантикой «каждая женщина найдет себе пару»: *Każda Kasia trafi na swego Jasia* [НКРР, т. 2: 43], *Każda Magdalena znajdzie swego pana*.

Дальнейшие примеры с компонентом-женским антропонимом социально характеризуют не женщину – **они «адресованы» мужчинам**: *Kasza i Kasia są to dwie potrawy: jedna na pożytek, druga dla zabawy* [НКРР, т. 2: 43] (данное выражение базируется на игре слов, в которой очевидно проступает андроцентризм языка и культуры и мужское доминирование в них – женщина создана для ублажения мужчины). В следующих двух паремиях народная мудрость предупреждает мужчину: если не нашел богатой, родовитой женщины, довольствуйся тем, что есть, через своеобразное столкновение в паремийном контексте полного (которое употреблялось для именованя женщины родовитой)

и гипокористического имени женщины, типичного для простолудинок: *Jak nie ma panny Marianny, dobra i Maryśka* [НКРР, т. 2: 394]; *Jak nie ma panny Katarzyny, to i Kaśka dobra* [НКРР, т. 2: 43]. Обнаружены нами также примеры-предостережения мужчинам относительно женитьбы, содержащие женское имя собственное: *Nie jedna panna ma na imię Anna* [НКРР, т. 1: 22] – ни на одной женщине свет клином сошелся и *On chce Haneę, a nie ścianę* – о мужчине, женищемся по любви, а не ради приданого [НКРР, т. 1: 22] (ср. выражение с противоположным брачным «ориентиром» *On chce ścianę (chałupę, majątek), a nie Haneę*).

В системе женских псевдоантропонимов, также имитирующих формы женских фамилий, прослеживаются сходные с системой собственно антропонимов характеристики: **болтливость**: *Panna Trzepakowska*; **злобность**: *Ciocia Potulicka*; **чрезмерная экономность**: *Pani Tańska, co w niebie tabakę sprzedaje (Tańska* – имя, производное от слова «дешевый»). Выражения с подобием женской формы фамилии характеризуют **женщину легкого поведения, распутную и развратную**: *Panna Umizgalska. Pani Daradzkiej córeczka*. Интересно выражение *Madame de Cosel de Baranie-Nóźki (Madmężel de Kozel)* с каламбурным развитием образности фамилии, построенной на звуковом сходстве *Cosel* – *Kozel*. На сходном приеме основана форма паремии *Mademoiselle de Cosel de Baranie Róźki, de Mysie Ogonki, de Szczurze Nóźki* – здесь образ развратной женщины спроецирован на образ *Hrabiny de Cosel* – фаворитки короля Августа II).

Два выражения с женским псевдоантропонимом характеризуют женщину по роду занятий или профессии: **баба-повитуха**: *Panna Babska* (наименование женщины *baba* в польском языке, как и в других славянских, обозначает также бабку-повитуху) и **женица-полицейский**: *pani Władzia* (здесь очевидно созвучие женской псевдофамилии с наименованием власть *władza*).

Фразеологизмы с компонентом-библионимом главным образом ориентированы на имя библейской *Ewy*, наследницами греха которой выступают все женщины. Здесь представлена женщина **хитрая, коварная**: *Jewa jabłko zjadła, a Jadamowi wógrizkę dała, Ewa zgrzeszyła, Adama skusiła*; **женщина легкого поведения**: *Wesołe córy Ewy* «женщины легкого поведения»; которая **разрешает себе роскошную жизнь**: *Bonuje sobie jak Ewa w rajū*. Фразеологизмы с именем исторического персонажа (в нашем случае – с именем реального политика) характеризуют женщину через сопоставление с женщиной, имя которого такие характеристики воплощает: **женщина-политик** *Ma głowę jak Metternich* (Клеменс Вацлав Меттерних – известный поли-

тик, австрийский канцлер), а форма двух других ФЕ представляет собой разновидность родо-половой транспозиции с использованием модели «*мужское*» + в юбке: **хитрая женщина, хороший дипломат: *Metternich w spódnicy*; властная, энергичная женщина: *Bismark w spódnicy*** (Отто фон Бисмарк – «железный канцлер» Германской империи).

Как видим, и в системе ФЕ с мужским антропонимом, и с женским существенно преобладают единицы с социокультурно маркированным антропокомпонентом. Основой их лингвокультурной мотивации выступают антропометрические образы человека как физического и физиологического феномена и образы человека как социального феномена. Среди ФЕ, источником лингвокультурной информации АК которых оказывается социокультурное пространство, выявлено 61 мужское имя и 15 женских, таким образом, женские имена в этой группе ФЕ составляют лишь четвертую часть, что можно объяснить неравнозначностью мужчины и женщины в социуме и андроцентричностью польского языка как языка постпатриархального типа. Приблизительно такое же соотношение обнаружил Т. Шутковский во всем репертуаре польских паремий с АК: по его подсчетам, мужские имена составляют 74% от общего количества имен собственных [Шутковски 2005]. Количество интересующих нас в этом исследовании мужских и женских имен, источником лингвокультурной мотивации которых оказываются библейские сюжеты, история и литература, оказалось существенно меньшим: среди библейских имен гендерную оценку содержат 2 антропонима: Адам и Ева; среди имен исторических персонажей имеем только мужские имена, которые семантически связываются и с мужскими, и с женскими характеристиками.

В ФЕ с именами литературных персонажей представлены только мужские антропонимы. С учетом данных, полученных в результате анализа, можно утверждать, что в системе фразем и паремий с компонентом – мужским и женскими именем собственным бинарная гендерная система с более или менее четкими характеристиками мужчин и женщин не обнаруживает признаков универсальности. К примеру, глупость, черта, стереотипизированная в андроцентрично сориентированном социокультурном пространстве польского языка как женская, в исследованном материале ассоциируется главным образом с мужскими именами (соотношение 13:2), что можно объяснить генерической функцией маскулинного наименования, его потенциальной возможностью обозначать как мужчину, так и человека вообще. Прояснить ситуацию может исследование актуальной референтной соотношенности

таких единиц, однако этот вопрос станет предметом следующего исследования.

К стереотипно мужским в системе имен с социальным маркером можно отнести поведенческую характеристику «пьяница, хулиган, дебошир», к типично женским – «злобная», «болтливая», «сплетница», «женщина легкого поведения». Любопытно, что в этой группе наименований внешность женщины представлена гораздо более полно, чем мужчины, в то время как физиологические характеристики женщины не представлены вообще. В группе имен, представляющей мужчину и женщину как социальный феномен, обнаруживаем различия. Мужские имена чаще ассоциируются с социальным расслоением общества и семантикой «оба одинаковые», женские имена связываются с семейными, сексуальными отношениями, в которых представлено мужское доминирование, и предписаниями мужчинам относительно выбора жены в браке. Псевдоантропонимы в значительной мере дублируют семантику ФЕ и паремий с собственно антропонимами. Немногочисленные имена исторических и литературных персонажей связаны в большей степени с фоновой информацией, и представляют характеристики, которые за этими именами закреплены в польской социокультурной традиции. Библейская традиция представлена образами Адама и Евы и отражает различные семантические характеристики мифа и стереотипные представления о женщине как наследнице Евиной греховности.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- DEJNA, K. (1956): *Terenowe nazwy śląskie. Onomastica*, 1956, 2, s. 103–126.
- GRODZIŃSKI, E. (1973): *Zarys ogólnej teorii imion własnych*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- GRODZIŃSKI, E. (1986): *Filozofowie i logicy o imionach własnych. Onomastica*, 1986, 31, s. 255–282.
- ŁAGINOWICZ, J. (1981): Местоименные функции имени собственного во фразеологии. *Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Bydgoszczy. Studia Filologiczne*, 1981, 12, s. 55–63.
- NKPP (1969–1978): *Nowa księga przysłów i wyrażen przysłowiowych polskich*, red. t. I–III: J. Krzyżanowski, red. t. IV: S. Świrko. Warszawa: PIW.
- PLESKALOVÁ, J. (1998): *Tvoření nejstarších českých osobních jmen*. Brno: Masarykova univerzita v Brně.
- PODLAWSKA, D. (2003): *Gramatyka historyczna języka polskiego z elementami staro-cerkiewno-słowiańskiego i dialektologii*. Słupsk: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pomorskiej w Słupsku.
- PODLAWSKA, D. (2006): *Słownik frazeologiczny języka polskiego*. Bielsko-Biała: Wydawnictwo Park.

- SFJP (1967–1968): *Słownik frazeologiczny języka polskiego*. Stanisław Skorupka. t. 1–2. Warszawa: Wiedza Powszechna.
- SVOBODA, J. (1964): *Staročeská osobní jména a příjmení*. Praha: SPN.
- ZABROCKI, Z. (1973): *Zarys ogólnej teorii imion własnych*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- АБАЕВ, В. И. (1934): Язык как идеология и язык как техника. In: *Язык и мышление*. Москва–Ленинград: Издательство академии наук.
- АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф. (1990): Имена собственные в составе фразеологических оборотов русского и украинского языков. In: В. М. Русанівський (ред.): *Шоста республіканська ономастична конференція: Тези доповідей і повідомлень*. т. II. Одеса, с. 5–7.
- БЕССОНОВА, О. Л. (2002): *Оценочный тезаурус английского языка: когнитивно-гендерный аспект*. Донецк: ДонНУ.
- ГАЛКИНА-ФЕДУР, Е. М. (1956): *Слово и понятие*. Москва: Уч. пед. изд.
- ГАМКРЕЛИДЗЕ, Т. В., ИВАНОВ, ВЯЧ. ВС. (1984): *Индоевропейские языки и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры*. Тбилиси: Тбил. ун-тет.
- ЗАВАРИНСЬКА, І. Ф. (2009): *Лінгвокультурна мотивація фразеологізмів з онімним компонентом (на матеріалі англійської, польської та української мов: дис... канд. філол. наук, Рівне*.
- ЗАПОЛЬСКАЯ, Н. И. (2007): Рефлексия над именем собственным в пространстве времен и культуры. In: Т. М. Николаева (ред.): *Имя. Семантическая аура*. Москва: Языки славянских культур, с. 133–150.
- КАРПЕНКО, Ю. О. (2007): Ономастика. In: В. М. Русанівський (ред.): *Українська мова. Енциклопедія*, вид. 3-є, зі змін. і доп. Київ: Українська енциклопедія, с. 457.
- КИРИЛИНА, А. В. (1999): *Гендер: лингвистические аспекты*. Москва: Институт социологии РАН.
- КИРИЛИНА, А. В. (2000): Гендерные аспекты массовой коммуникации. In: А. В. Кирилина (eds.): *Гендер как интрига познания*. Москва: Изд-во «Рудомино», с. 47–81.
- КРАВЧУК, А. (2000а): Особливості семантики ономастичного компонента фразеологізму (на матеріалі польської фразеології). *Вісник Львів. ун-ту*. Серія філологічна, 2000а, No. 29, с. 130–135.
- КРАВЧУК, А. (2000б): Семантика компонента фразеологізму у працях українських, російських та польських лінгвістів. *Проблеми слов'язнавства*, 2000б, No. 51, с. 258–261.
- КРАВЧУК, А. (2001): Реалізація семантики власної назви в польській ономастичній фразеології. *Мовознавство*, 2001, No. 2, с. 26–34.
- КРАВЧУК, А. (2003): Семантика антропонімів у польській фразеології. *Проблеми слов'язнавства*, 2003, No. 53, с. 185–191.
- ЛАЗАРЕВА, В. А. (2017): *Имя собственное: проблемы референции*. Москва: Индрик.
- МОКИЕНКО, В. М. (1980): О собственном имени в составе фразеологии. In: А. В. Суперанская, Н. В. Подольская (eds.): *Перспективы развития славянской ономастики*. Москва: Наука, с. 57–68.

- МОРОЗ, О. А. (2016): Ономастична фразеологія в українській та польській мовах в національно-культурному слов'янському просторі. *Наукові записки чорноморського державного університету. Серія Філологія. Мовознавство*, 2016, т. 278, № 266, с. 77–80.
- НЕМИРОВСКИЙ, М. Я. (1938): Способы обозначения пола в языках мира. In: И. И. Мещанинов (ред.): *Памяти ак. Н. Я. Марра (1864–1934)*. Москва – Ленинград: Издательство АН СССР, с. 196–226.
- ОТИН, Е. С. (1980): Материалы к словарю собственных имен, употребляемых в переносном значении. *Вопросы ономастики: Собственные имена в системе языка*, 1980, с. 3–13.
- РУТ, М. Э. (2001): Антропонимы: размышления о семантике. *Известия Уральского государственного университета*, 2001, № 20, с. 59–64.
- СЕРЕБРОВА, Г. А. (2007): Образ женщины во фразеологизмах русского и английского языков. *Вестник Чувашского университета*, 2007, 1, с. 279–286.
- СТЕРНИН, И. А. (2015): *Теоретические и прикладные проблемы языкознания: избранные работы*. Москва–Берлин: Direct MEDIA.
- СУПЕРАНСКАЯ, А. В. (2007): *Общая теория имени собственного*. Изд. 2-е, испр. Москва: URSS.
- ТОПОРОВ, В. Н. (2004): Из теории ономатологии. In: В. Н. Топоров (eds.): *Исследования по этимологии и семантике*. Москва: Языки славянской культуры, т. 1, с. 372–379.
- ТРУБАЧЕВ, О. Н. (1959): *История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя*. Москва: Изд. АН СССР.
- ЧЕРКЕСОВА, З. В. (2017): Эволюция концепта «Женщина» в паремиологии и фразеологии русского языка. *Современные исследования социальных проблем*, 2017, т. 9, № 3, с. 154–161.
- ШПЕТ, Г. Г. (1989): Эстетические фрагменты. In: Г. Г. Шпет (ред.): *Сочинения*. Москва: Модек, с. 602.
- ШУТКОВСКИ, Т. (2005): Образ человека в русских и польских фразеологизмах с антропонимическим компонентом. In.: *Slowo. Tekst. Czas. Materialy Konferencji Naukowej*. Szczecin: WNUS, s. 186–196.

Профиль автора:

Татьяна Алексеевна Архангельская, кандидат филологических наук
Сфера научных интересов: теория номинации, лингвистическая гендерология, фразеология, сравнительное языкознание.

Моравская высшая школа, Оломоуц

Кафедра социальных наук и права

пр. Космонавтов 1288/1

77900 Оломоуц

Чешская Республика

mvso@mvso.cz

tetiana.arkhangelska@mvso.cz